

АСИНОВСКИЙ А. С., ВАХТИН Н. Б., ГОЛОВКО Е. В.

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ КОМАНДОРСКИХ АЛЕУТОВ

Вводные замечания. Командорские острова, открытые Второй Камчатской экспедицией Витуса Беринга в 1741 г., расположены приблизительно в 160 км к востоку от побережья Камчатки и включают, помимо двух мелких островков, два крупных острова: о. Беринга (площадь ок. 1660 км²) и о. Медный (площадь ок. 186 км²). В отличие от островов Алеутской гряды [1], Командорские острова не имели коренного населения (по крайней мере, не найдено пока окончательных доказательств наличия древних обитателей).

Заселение Командорских островов началось в 1826 г., когда Российско-Американская компания завезла сюда промысловых рабочих — алеутов с островов Атка и Атту, а также представителей других национальностей: эскимосов, айнов, тлингитов и др. (см. подробнее [2, с. 97—98]). К 1909 г. население обоих островов составляло 552 человека, из которых алеутов (включая сюда детей от смешанных браков — «креолов») было 501 чел.

С некоторыми оговорками можно сказать, что на о. Медном преобладали переселенцы с о. Атту (234 чел. в 1909 г.), а на о. Беринга — переселенцы с о. Атка (267 чел. в том же году). Каждая из этих групп говорила на своем диалекте — см. подробнее ниже.

В результате этих многочисленных переселений на Командорах сложилась в некотором смысле уникальная лингвистическая ситуация: носители двух различных диалектов алеутского языка — аткинского и аттуанского, оторванные от «материнских» групп, в течение 150 лет существовали в тесном контакте друг с другом и с русским населением. Расстояние между о. Беринга и о. Медным — около 47 км. — не препятствовало постоянным контактам, хотя и обеспечивало чувство изолированности и самостоятельности для каждой из двух групп.

В данной статье предлагаются некоторые сведения о современной ситуации на Командорских островах. Работа основана на полевых материалах, собранных авторами летом 1982 г. в ходе лингвистической экспедиции к алеутам. Выводы работы, естественно, не могут претендовать на окончательность и полноту, а являются предварительными.

Подавляющее большинство советских алеутов живет на территории Камчатской области. По данным переписи 1979 г. их — 365 чел., из которых 300 человек — сельские и 65 — городские жители [3]. Основная масса алеутов — 276 чел.¹, или 76%, — проживает на Командорских островах, составляющих Алеутский национальный район, с районным центром в с. Никольское. В XIX — первой половине XX в. на островах существовало два крупных поселка: Никольское на о. Беринга и Преображенское на о. Медный; кроме того, постоянно возникали и исчезали более мелкие поселения промысловиков в 2—3 хозяйства, большей частью сезонные, но в некоторых из них жили круглый год. Из двух поселков Никольское всегда было несколько крупнее. По данным загса Командорских островов, например, в 1930—1950-е годы из всех родившихся на островах алеутов в Никольском родилось 56,7% алеутов, в Преображен-

¹ Данные похозяйственных книг с. Никольское; малочисленность народности позволила не прибегать к выборкам, а учесть при статистическом обследовании населения всех жителей.

ском — 43,3%. Такое положение сохранялось и в дореволюционный период, что видно из материалов Е. К. Суворова [2, с. 104] и других.

В середине 50-х годов XX в. из-за ускоряющихся темпов экономического развития островов, концентрации производства и населения в с. Никольском поселок Преображенское стал быстро терять свое значение. К 1960 г. в Преображенском осталось всего несколько семей, главным образом — пожилые люди. 1969 г. можно, видимо, считать последним годом существования Преображенского: в следующем году Преображенский загс уже не функционирует, и все алеутское население Командор сосредоточивается в с. Никольском на о. Беринга.

Алеуты о. Беринга и русское окружение. В настоящее время с. Никольское является центром проживания алеутов. Население поселка — 1516 чел. (июнь 1982 г.), из них алеутов 276 чел., или 18,2%. В поселке 115 хозяйств, включающих алеутов и состоящих в среднем из трех человек (минимум 1, максимум 8). Чисто алеутских хозяйств 53, или 46% (включая одиноких); остальные 62 хозяйства смешанные.

(Отметим, что национальность взрослых мы, естественно, фиксировали в соответствии с паспортными данными; в определении же «национальности» детей некоторую помощь оказывает тот факт, что в поселке существует практика записи национальности детей в похозяйственных книгах со слов родителей. В случае межнациональных браков, например, русско-алеутского, ребенка «записывают», как правило, алеутом. На весь поселок есть только три случая русско-алеутских браков, дети от которых «записаны» русскими. Встречаются и семьи, где отец и мать по паспорту русские и лишь одна из бабушек — алеутка, и при этом детей стараются «записать» алеутами.)

Ассимиляционные процессы. Любопытные результаты дает анализ типов браков между жителями бывшего с. Преображенского («медновцами»), жителями с. Никольского («беринговцами») и приезжими. Для каждого из ныне живущих в поселке алеутов были получены сведения о месте рождения его самого и его родителей (о. Беринга, далее — Б, о. Медный, далее — М, и приезжий («русский», далее — Р), после чего алеуты были разделены на три возрастные группы: старшие, т. е. родившиеся до начала переселения медновцев в с. Никольское (приблизительно до 1953 г.), средние, родившиеся в период активного переселения (между 1953 и 1966 гг.), и младшие, родившиеся после 1966 г., т. е. после фактического завершения переселения. Место рождения родителей фиксировалось независимо от того, был ли зарегистрирован брак. Браки были выделены «внутриостровные» (например, беринговский мужчина и беринговская женщина, или соответственно, оба медновские, сокращенно Б + Б или М + М. «межостровные» (М + Б или Б + М), и «смешанные», т. е. браки с приезжими (Р + Б, Б + Р, Р + М, М + Р). Отдельно выделялись случаи, когда отец неизвестен (? + Б или ? + М). Результаты подсчетов суммированы в табл. 1.

Таблица 1

Типы браков	«Старшие», т.е. родившие детей до 1953 г. *	«Средние», т.е. родившие детей в 1953—1966 гг.	«Младшие», т.е. родившие детей после 1966 г.
Б + Б	12,38%	1,64%	2,27%
М + М	26,67%	13,11%	0
Б + М	9,52%	9,84%	5,68%
М + Б	8,57%	6,67%	0
Р + Б	18,10%	14,75%	18,18%
Р + М	14,28%	23,0%	26,13%
М + Р	2,86%	3,28%	11,36%
Б + Р	0,95%	0	12,5%
? + Б	4,76%	8,20%	6,82%
? + М	1,9%	14,75%	17,05%

* Поскольку выделенные возрастные группы неравноценны по численности, результаты даются в процентах.

Как видно из подсчетов, основным результатом является изменение типа браков, и в первую очередь — почти полное исчезновение ситуации, когда беринговский или медновский мужчина выбирал бы себе жену из «своей» группы, а следовательно — быстрое исчезновение границ между «медновскими» и «беринговскими» алеутами, что естественно в условиях проживания в одном поселке. Следствием этого является возросшее число браков алеутских женщин с приезжими и увеличение числа случаев, когда отец ребенка неизвестен. Видимо, значительное число «смешанных» браков у младшего поколения дает основание говорить об очень высокой степени этнического выравнивания коренного и приезжего населения. Признаком такого выравнивания является, на наш взгляд, резкое увеличение процента браков мужчин-алеутов и приезжих женщин.

Динамика процесса хорошо видна на следующем графике.

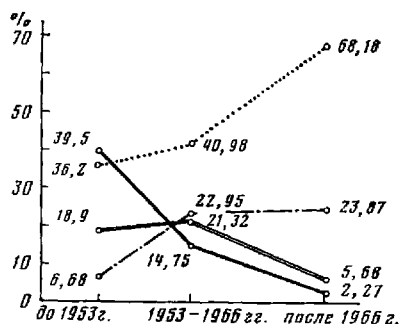

Рис. 1

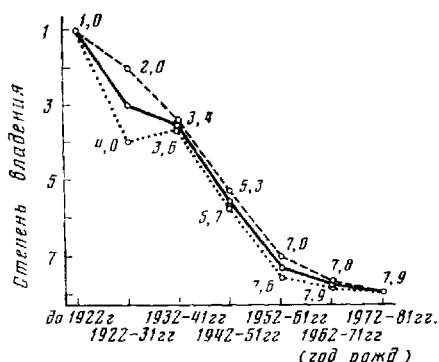

Рис. 2

Рис. 1. Динамика изменения типов браков по возрастным группам. Условные обозначения: — «внутриостровные» браки, — «межостровные» браки, смешанные браки, — — — — — отец неизвестен

Рис. 2. Изменение степени владения языком у алеутов разных возрастов. Условные обозначения: беринговский диалект, — — — — — медновский диалект, — средняя

Степень владения языком. Подавляющее преобладание смешанных браков, проживание в поселке, для 82% населения которого родным языком является русский, отсутствие школьного преподавания алеутского языка, сама малочисленность группы командорских алеутов неизбежно должны были привести к утере алеутами своего языка. В настоящее время алеуты молодого поколения практически не говорят и не понимают по-алеутски; алеутский язык функционирует лишь как язык бытового общения представителей старшего поколения. Уже в 1963 г. Г. А. Меновщиков отмечал отход молодого поколения от пользования родным языком; в то время, по его данным, из старшего поколения владели родным языком не более 50 чел., причем из них хорошо — около 30 [4].

Для того, чтобы получить более или менее надежные данные о степени владения языком командорских алеутов, было проведено специальное исследование, в основу которого была положена следующая шкала из восьми степеней владения: 1 — свободно владеет языком; 2 — все понимает и может говорить на любые темы, однако при общении со сверстниками предпочитает русский язык; 3 — все понимает и объясняется «ломаным языком»; 4 — понимает и мог бы объясниться, но по собственной инициативе на языке не говорит; 5 — понимает до определенной степени обращенную к нему речь, но активно участвовать в разговоре не может; 6 — понимает общий смысл сказанного; 7 — понимает отдельные слова и бытовые фразы; 8 — не владеет языком.

Информантам предлагалось «расставить оценки» односельчанам: насколько тот или иной человек владеет алеутским языком. Полученные

данные были затем откорректированы путем вопросов на сравнение разных жителей поселка с теми алеутами, о которых у авторов были надежные собственные наблюдения, т. е. вопросов типа «Кто говорит лучше — А или Б?»

Полученные данные были затем усреднены для каждой из 7 возрастных групп: 1) до 10 лет; 2) 10—19 лет; 3) 20—29 лет; 4) 30—39 лет; 5) 40—49 лет; 6) 50—59 лет; 7) старше 60 лет. Результаты подсчетов представлены на рис. 2.

Естественно, что цифровые данные имеют некоторую погрешность, поскольку количество людей в каждой возрастной группе невелико (особенно это касается самых старших). Так, резкое падение кривой беринговского диалекта для поколения 1922—1931 года рождения объясняется наличием всего двух (!) человек, которые по причинам биографическим совершенно не знают языка. Однако тенденция изменения проявляется довольно отчетливо. Заметим, что разброс по степени владения языком внутри каждой группы очень мал (за исключением 2-й возрастной группы, в которую входит 4 чел. со второй степенью и 2 чел. с восьмой).

Столь очевидная корреляция степени владения языком и возраста ясно говорит о быстром исчезновении языка командорских алеутов. Людей, которые могли бы служить дикторами для исследователей-лингвистов, с каждым годом становится все меньше, и это — исключительно люди старшего поколения. Потенциальных информантов, даже по очень либеральным оценкам (мы включили сюда первую, вторую и, с некоторой натяжкой, третью степень владения языком), по беринговскому диалекту 21 чел., по медновскому — 22 чел. (см. табл. 2).

Таблица 2

Диалекты		Медновский				Беринговский			
Возраст		более 60	50—59	40—49	30—39	более 60	50—59	40—49	30—39
Степень	1 степень	5	3	1	0	4	0	0	0
	2 степень	0	0	5	1	0	4	5	0
	3 степень	0	0	5	2	0	0	7	1

Обращает на себя внимание несколько более благоприятное положение медновского диалекта. В каждой возрастной группе носители медновского диалекта знают свой язык несколько лучше. (Это не относится к двум последним возрастным группам, где различие несущественно: алеутская молодежь практически не знает языка, независимо от диалекта.) Некоторые соображения о причинах большей «живучести» медновского диалекта см. ниже.

При взгляде на график создается впечатление, что основной переломной точкой является скачок от третьей к четвертой возрастной группе. Третья возрастная группа — это алеуты, родившиеся между 1932 и 1941 гг., т. е. люди, чье детство пришлось на годы интенсивного введения школьного преподавания для народов Севера. В отличие от большинства других северных народностей, командорские алеуты, по причине их крайней малочисленности, не имели своей письменности, а следовательно — букварей, учебников и программ преподавания родного языка².

Диалектная ситуация. Характеристика диалектов. В настоящее время на о. Беринга в с. Никольское проживают носители двух диалектов алеутского языка, которые мы называем здесь «беринговский» и «медновский». Командорские алеуты, по крайней мере, старшее поколение, отчетливо осознают свою принадлежность к двум различным группам, что отражается и в самоназваниях, и в названиях для представителей другой группы. Так, алеуты, родившиеся в с. Никольском, заявляют, что они «настоящие алеуты», *unáncas*, а о представителях другой группы говорят, что те — не алеуты, а «медновские».

² За исключением рукописного букваря, составленного Е. П. Орловой с помощью алеутов — студентов Дальневосточного техникума народов Севера.

(Впрочем, самоназванием беринговцев в настоящее время все-таки скорее является русское «алеуты»; алеутским словом *уна́ҕас* чаще называют американских алеутов.) Выходцы с о. Медный, напротив, называют себя «алеутами», а представителей другой группы — «беринговцами».

Среди беринговских алеутов наблюдается проявление своеобразного «аристократизма» по отношению к медновцам. Например, беринговцы, прожившие 3—4 года на о. Медном (пусть даже в детстве), уже не считаются «истинными» беринговцами, хорошими знатоками языка, хотя по нашей шкале часто имеют по крайней мере вторую степень владения языком. Среди медновцев ничего подобного не наблюдается.

Алеуты (особенно беринговцы) вполне отчетливо сознают свое родство с американскими алеутами: нынешнее поколение старше 60 лет хорошо помнит рассказы своих бабушек об этом переселении. Алеутам старшего поколения известно, что на Алеутских островах жители носят те же фамилии, что и они (Бадаевы, Голодовы, Хабаровы и др.). В сознании командорских алеутов американские алеуты не являются однородной группой. Они выделяют группу *уна́ҕас* — «те, которые говорят, как мы» и знают о существовании алеутов *қанáҕас*, живущих «где-то далеко на востоке». От одной из наших информанток удалось записать передразнивание речи *қанáҕас* (фраза «я вас не понимаю», воспроизведенная ею со слов матери).

Беринговский и медновский диалекты, имеющие различных предков, в течение 150 лет тесно контактировали между собой. Окончательные выводы о результатах диалектного взаимодействия сейчас делать рано; в качестве предварительных можно предложить следующие наблюдения.

Беринговский диалект. На нем говорят алеуты — потомки выходцев с о. Атка, переселенные на о. Беринга в 1826 г. и в последующие годы. Насколько можно судить по имеющимся публикациям [см. 5—7], современный беринговский диалект идентичен диалекту о. Атка — с той оговоркой, что он представляет собой не современный аткинский, а находится гораздо ближе к тому языку, на котором говорили алеуты о. Атка 150 лет тому назад. В 40-х годах прошлого века Я. Нецветовым и в 60-х — Л. Саломатовым был осуществлен ряд переводов церковной литературы на алеутский язык. Многие слова, встречающиеся в этих переводах, для современных американских алеутов являются архаичными, неупотребительными. Для беринговцев это — живые слова, входящие в активный словарный запас. Например, слово *кймдұх* «дождь», отмеченное в саломатовском переводе Евангелия от Луки и не опознаваемое современными аткинцами ³, употребляется на о. Беринга. В то же время аткинское слово *чйхтал* «дождь» не опознается беринговцами, а глагол *чйхтал* «1) он есть влажный, сырой; 2) идет дождь» употребляется на о. Беринга только в первом значении. Глагол (*тин*) *дахтикух* «прекращать, останавливать(ся)», встречающийся в переводах Евангелий и не опознаваемый на о. Атка, является высокочастотным в речи беринговцев и наряду с глагольным суф. *-қада-* употребляется для выражения фазы прекращения действия. Беринговское междометие *тагá* «а ну, берись; ну; итак» не опознается аткинцами; глагол *малхунул* не опознается в значении «быть лукавым» и др. В беринговском отмечен ряд слов, отсутствующих в словаре К. Бергсланда [5]; с другой стороны, беринговцы не опознают отдельные слова современного аткинского. Некоторые основы имен, развившиеся в аткинском в класс основ на *-и*, в беринговском не претерпели таких изменений, ср. атк. *қамиги-х* «дверь» — бер. *қамих*; атк. *исуғи-х* «нерпа» — бер. *исух* и др. Почти все грамматические формы, отмеченные в работе К. Бергсланда и М. Диркса как характерные для «старого языка», свободно употребляются беринговцами, например, в субъектно-объектном спряжении форма 3-е л. мн. ч. Сб + 3-е л. мн. ч. Об: атк. *агуқа-һин* «мы их сделали», бер. *агуқа-мас* и др. Сюда же можно отнести отрицательные формы

³ Формы, не опознаваемые современными аткинцами, имеют в словаре К. Бергсланда специальную помету.

объектного спряжения глагола, глагольную форму со значением комитативности (совместности) *агитал* (ср. атк. *ас*) и др.

Однако различия между беринговским и аткинским диалектами не объясняются только чисто историческими, структурными причинами. Беринговский диалект испытывает на себе мощное влияние русского языка. Так, при исследовании морфологии глагола выяснилось, что четыре аткинских суффикса не опознаются информантами-беринговцами, а словоформы с тремя другими суффиксами, легко полученные Г. А. Меновщиковым в 1963 г. [8, 9], спустя 20 лет не даются информантами «с ходу», хотя и опознаются. Значения утерянных суффиксов восполняются употреблением многочисленных русских наречий типа *давно*, *опять*, *сейчас*, союзов *а*, *но* и др. Следует заметить, что еще в первой половине XIX в. практически все командорские алеуты в той или иной степени знали русский язык и пользовались им для межостровного общения [2, с. 99].

Социальные функции диалекта ограничиваются бытовым общением представителей старшего поколения. Фольклор практически отсутствует. В отличие от аткинских алеутов (см. записи фольклора в [10]), беринговские алеуты не рассказывают на родном языке русских сказок, которые на Атке воспринимаются уже как свой, «исконный» фольклор. Во время экспедиции нам удалось записать лишь несколько текстовых отрывков бытового характера. Показателем исчезновения языка можно считать быструю замену алеутской терминологии родства на русскую. То же касается микропонимики. Вообще многие элементы старой культуры оказались вытесненными под воздействием русской культуры; элементы последней воспринимаются сейчас как «исконно алеутские». Так, национальным музыкальным инструментом считается балалайка; алеутские песни уже в XIX в. исполнялись в традиционной русской манере и на мотив народных русских песен (см. нотную запись алеутских песен в [11]).

Однако в последние годы заметна некоторая активизация интереса к своему языку, своей культуре, особенно среди алеутов среднего поколения — возраста 40—50 лет. По их инициативе был создан «клуб старожил», который, во всяком случае на первых порах, являлся центром притяжения для всех заинтересованных в возрождении национальной культуры и языка.

Медновский диалект. Является потомком диалекта о. Атту. Этот последний почти не исследовался; в настоящее время он полностью исчез, а в свое время в силу, видимо, случайных причин, не оказался в сфере внимания исследователей. Некоторые, крайне фрагментарные сведения о диалекте находим у В. И. Иохельсона [12]. Кроме того, до нас дошли семь из записанных им в начале XX в. тридцати текстов на аттуанском диалекте. Они опубликованы вместе с еще пятью текстами К. Бергсланда и Т. Бенкса [13].

Современный медновский диалект является результатом длительного воздействия на диалект о. Атту русского языка и соседнего беринговского диалекта и представляет собой в некотором смысле уникальное явление⁴. Вся система глагольного лица, времени, некоторые падежные показатели имени в медновском диалекте — из русского языка. Например, личная парадигма глагола *алу-* «смеяться» имеет вид:

<i>алу-ю</i>	«Я смеюсь»	<i>алу-им</i>	«Мы смеемся»
<i>алу-ишь</i>	«Ты смеешься»	<i>алу-ити</i>	«Вы смеетесь»
<i>алу-ит</i>	«Он смеется»	<i>алу-йат</i>	«Они смеются»

В прошедшем времени все глаголы получают показатель *-л*, после которого следуют показатели числа и лица, также заимствованные из русского, ср.: *Тиң айхача-л-йа* «Я поехал», *Тиң амунахтаса-л-и* «Меня увезли», *Тймис айхача-л-и-ми* «Мы поехали», *Ақұтал ма-л-ти?* «Как ты это сделал?» и др. Будущее время выражается аналитически, при помощи «русского» вспомогательного глагола *бу-* + «инфинитив» с русским же оконча-

⁴ Честь первооткрывателя этого интереснейшего диалекта принадлежит Г. А. Меновщикову — см. [14].

нием *-ть* (для собственно алеутского языка инфинитив не характерен), ср.: *Иа ни бу игахта-ть* «Я не получу», *Қаһаң аслаға бўдишь анқа-ть?* «Когда ты встанешь?». Отрицание везде выражается при помощи «русской» частицы *ни* (вместо «нормального» для алеутского языка суффиксального способа), ср.: *Тин ни қақачыл* «Он не высох». Притяжательный падеж на *-м* в некоторых случаях заменяется на «русский» падеж на *-ин*: *Сашин ула* «Сашин дом» (вместо *Саша-м ула*). Ср. отрывок текста на медновском диалекте:

<i>Тимис</i>	<i>айгача-л-и-ми</i>	<i>танах</i>	<i>агача-л-и-ми</i>	<i>Машина-мис</i>
Мы	ехать-прош-мн-1л	берег	терять-прош-мн-1л	мотор-наш
<i>абага-л</i>	<i>нас тигийсакали-л-и</i>			<i>Акут будит.</i>
<i>ломаться-прош.</i>	<i>нас течением-стало-уносить-прош-мн</i>			<i>Что будет.</i>
<i>Таңа-ть та ничу.</i>	<i>Салугулах иласакали-л-и</i>			<i>салугулах</i>
<i>Пить-инф то нечего.</i>	<i>Дождь ждать-начали-прош-мн</i>			<i>дождь</i>
<i>та нити.</i>	<i>И эусим сотак салугулах</i>	<i>нибыла.</i>		
<i>То нет.</i>	<i>И восемь суток дождь</i>	<i>не было.</i>		

(«Мы поехали. Мотор у нас сломался, и нас стало уносить течением. Что делать? Пить-то нечего. Мы стали ждать дождя, а дождя нет. Восемь суток не было дождя.»)

Отметим, что замене на русские подверглись только словоизменительные суффиксы. Многочисленные суффиксы словообразования (в приведенном отрывке — суф. начинательности *-кали-*, каузативный суф. *-ча-* и др.) остались чисто алеутскими. Далее, замене на русские подверглись только формы показателей. Стержень алеутской грамматики — агглютинативный характер словоформы (например, показатели лица после показателей времени — ср. формы прошедшего времени) и жесткий порядок слов (IS — O — V) — сохранился в неизменном виде. (Исключением можно, видимо, считать полное исчезновение субъектно-объектного спряжения.) Случай столь глубокой интерференции может служить материалом для выводов относительно того, что является центром и периферией грамматической системы языка.

Медновский диалект в его современном виде сложился, очевидно, уже после переселения с о. Атту на о. Медный. Парадигмы спряжения, записанные В. И. Иохельсоном на о. Атту, не дают ничего похожего на современное положение. Можно, конечно, считать медновский диалект «просто шагом вперед по пути полного исчезновения языка» [15], однако этому мешает ряд соображений. Язык в данном виде существует уже как минимум два поколения: информанты утверждают, что их родители говорили точно так же. Более того, в массе своей словообразовательные элементы не осознаются информантами как заимствованные из русского⁵ (ср. ниже). Это подтверждают и фонетические наблюдения: согласные увулярного ряда [q], [ŋ], [ɣ] и лабиовелярный [ɣ^w] в медновском и иногда в беринговском диалектах произносятся как заднеязычные [k], [x], [ɣ] и [β], что может быть расценено как русифицированное произношение. Но если в речи беринговцев, слабо владеющих своим языком, такое произношение осознается как неправильное («не умею сказать как надо»), то медновцы воспринимают это произношение как норму; «правильное» же произношение этих согласных как увулярных расценивают как диалектное отличие («в беринговском так, а у нас — так»).

При фактически неизмеримо большем влиянии русского языка на медновский, чем на беринговский, субъективно, для самих носителей языка это влияние гораздо менее заметно. Воздерживаясь пока от того, чтобы давать окончательную интерпретацию этому явлению, отметим лишь, что медновский диалект пошел по чрезвычайно редкому и сложному пути развития, аналогов которому не территории СССР, видимо, нет.

Современный медновский и беринговский диалекты полностью взаимопонятны. Медновский заимствовал из беринговского большое количество полнозначных слов; расхождение в лексическом запасе не мешает пониманию. Медновское глагольное словоизменение вообще не представляет затруднений для беринговцев, свободно владеющих русским языком. Кроме

⁵ Это же отмечал Г. А. Меновщикова [см. 14, с. 104].

того, медновцы охотно и легко переходят на беринговский диалект при общении с коренными беринговцами (любопытно, что обратного перехода мы не наблюдали ни разу).

Перспективы существования диалектов. Как уже отмечалось, беринговский находится в настоящее время на грани исчезновения. Из табл. 2 видно, что людей, способных передать молодому поколению сведения о беринговском диалекте, практически не осталось.

С медновским дело обстоит несколько лучше. Число говорящих здесь почти то же, однако они моложе: средний возраст беринговцев с первой степенью владения языком — 65 лет, со второй — 54 года, с третьей — 43 года, а для медновцев соответствующие цифры — 59 лет, 43 года и 42 года. Кроме того, медновский диалект практически неуязвим для дальнейшей интерференции со стороны русского языка: язык такого «смешанного» типа будет, видимо, вытесняться гораздо медленнее, чем «чистый» беринговский. Сосуществование с русским языком парадоксальным образом способствует сохранению медновского диалекта, именно — тех элементов, которые совпадают в обоих языках (так, говорящий по-русски медновец никогда не «забудет» спряжения медновского глагола по той простой причине, что оно такое же, как в русском! — тем более, что это совпадение носителями не осознается).

Кроме чисто языковых факторов, большей сохранности медновского диалекта способствовали и некоторые экстралингвистические причины. Поселок Преображенское никогда не был центром района; приезжего населения там было меньше и оно было более постоянным. Достаточно сказать, что многие русские, долго жившие в Преображенском, говорили с коренными жителями по-медновски (об этом факте писал и Г. А. Меновщиков [14, с. 102]) — практика, никогда не имевшая места в Никольском.

На фоне этих фактов тем более странным выглядит то обстоятельство, что именно медновский диалект подвергся столь решительной интерференции. Если такая интерференция, как считает К. Бергсланд, просто шаг на пути к полному исчезновению языка, то мы сегодня должны были бы обнаружить «русские» окончания скорее в беринговском.

С другой стороны, по некоторым данным, в начале XX в. на о. Медный русский язык был распространен больше и был известен лучше, чем на о. Беринга: о. Медный, богатый в те времена каланами (морскими бобрами), больше привлекал русских переселенцев. Кроме того, алеуты и айны с Камчатки, переселенные на о. Медный в 1888 г., лучше владели русским языком, чем алеутским⁶.

Несколько лучшей сохранности медновского диалекта способствовало, возможно, и то, что социальная активность выходцев с Медного всегда была выше, чем у беринговцев. К примеру, руководящие посты в районе (райисполкоме, райкоме КПСС, сельских советах) за всю историю существования Советской власти занимали 22 медновских и только 11 беринговских алеута — и это при численном преобладании беринговцев.

Таковы некоторые предварительные данные об алеутах Командорских островов и их языке. Исследования необходимо продолжать. Очевидно, на новый лингвистический материал можно рассчитывать только по медновскому диалекту: думается, что это уникальное — лингвистическое явление заслуживает специального внимания языковедов, а также, возможно, психологов и этнографов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лапунова Р. Г. Очерки по этнографии алеутов. Л., 1975.
2. Суворов Е. К. Командорские острова и пушной промысел на них. СПб., 1912.
3. Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Национальный состав Камчатской области. Петропавловск-Камчатский, 1981.
4. Меновщиков Г. А. Новые данные о языке алеутов Командорских островов. — Изв. Сиб. отд. АН СССР, сер. обществ. наук, 1965, № 1, вып. 1.
5. Bergsland K. Atkan Aleut-English dictionary. Anchorage, 1980.
6. Bergsland K., Dirks M. Introduction to Atkan grammar. Anchorage, 1978.

⁶ Эти данные приводит И. С. Гурвич [16].

7. *Bergsland K., Dirks M.* Atkan Aleut school grammar. Anchorage, 1981.
8. *Меновицков Г. А.* Алеутский язык.— В кн.: Языки народов СССР. Т. 5. Л., 1968.
9. *Меновицков Г. А.* Алеутско-русский словарь.— В кн.: Языки и топонимия. Томск, 1977, с. 137.
10. *Kasakam unikangis.* Russian stories. Told by John Nevzorov. Written by K. Bergsland and M. Dirks. Anchorage, 1978.
11. *Бондарева Н. А.* Семь недель на Командорах. Петропавловск-Камчатский, 1966, с. 44—53.
12. *Jochelson V. L.* Essay on the grammar of the Aleut language. 1930, ms., 73 pp.
13. *Bergsland K.* Aleut dialects of Atka and Attu.— In: Transactions of the American Philosophical Society, New Series, 1959, v. 49, pt. 3, p. 104—128.
14. *Меновицков Г. А.* К вопросу о проницаемости грамматического строя языка.— ВЯ, 1964, № 5.
15. *Bergsland K.* The comparison of the Eskimo-Aleut and Uralic.— *Finno-Ugrica Suecana*, 1979, № 2, p. 13.
16. *Гурвич И. С.* Алеуты Командорских островов.— СЭ, 1970, № 5, с. 122.

•